

Капризы и странности судьбы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?

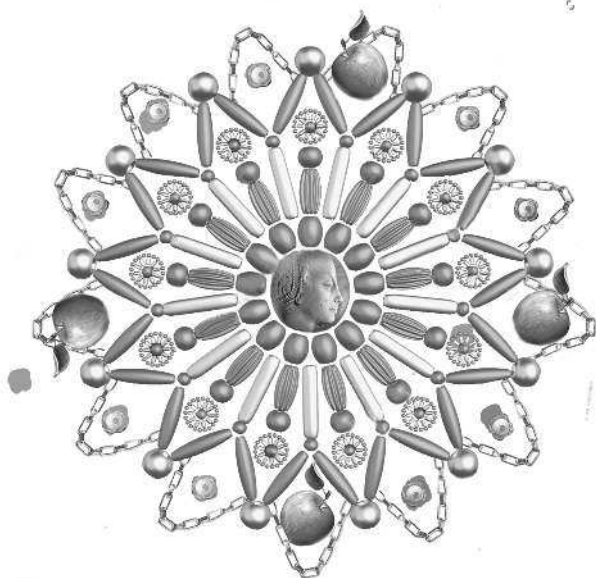
Читайте романы Олега Роя:

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость! или Новозоднее чудо в семье писателя
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Страх
И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека
Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных
Секреты семейного счастья от Олега Роя
МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользящий странник

Сборник рассказов О. Роя и участников конкурса «Страсти по Олегу Роя»

ОЛЕГ
РОЙ

Фамильные ценности,
или Возврату не подлежит

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Издание осуществлено при содействии
Н. Я. Заблоцкиса

Оформление серии *С. Груздева*

В оформлении переплета использована иллюстрация:
Andrii Kondiuk / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Р65 Рой, Олег.
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит : [роман] / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-88431-5

Везет тем, кто родился в семье с богатой родословной. Счастливы, кто рос в доме, где есть добрые традиции, которые передаются от поколения к поколению. Особенно удачливы те, кто становится наследником фамильных ценностей. Бальке подфартило: он действительно родился с золотой ложкой во рту. Но чтобы стать во главе семьи, взять в свои руки опасный бизнес – производство и продажу ювелирных изделий, ему нужно стать наконец взрослым. Именно поэтому его бабушка написала такое завещание, по которому Бальке придется в корне изменить свою судьбу. Условия в нем парадоксальные, выполнить их может только избранный.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88431-5

© Резепкин О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Не подлежат возврату или обмену...

...Изделия из драгоценных металлов, с драгоценными камнями, из драгоценных металлов со вставками из полудрагоценных и синтетических камней, ограненные драгоценные камни.

*(Перечень утвержден Постановлением Правительства
Российской Федерации от 19.01.1998 №55
(ред. от 27.01.2009))*

— Скоро все будет в шоколаде! — Лана гибко потянулась всем своим соблазнительно пышным телом, вздохнула мечтательно, скосила глаза — фу. Темное дерево старинного гардероба ни черта не отражало! Так, смутные тени какие-то. Вот сколько раз упрашивала хотя бы в спальне нормальную мебель поставить — да хоть бы итальянскую! Чтобы зеркала, а вокруг белое и золотое, как у каких-нибудь французских королей, Людовиков, что ли, все блестит, сверкает, искрится — красота! Не то что эта рухлядь унылая, как будто со свалки приволокли, ей-богу! Типа антиквариат! Раз антиквариат, ему место в музее, среди таких же унылых экспонатов — скукотень! А придурок ни в какую! Сам такой же нудный, как этот гардероб! То ли дело — Дэн!

Как глянет — прямо фейерверк внутри зажигается! И бабочки, бабочки, бабочки порхают! А красавец какой! Ну, прямо как на журнальных картинках, честное слово!

Господи, какое счастье ей подвалило! А будет еще лучше, будет вообще все сказочно прекрасно! Это же совершенно ясно. Не то что эти туманные тени в глубине темного дерева. Наверное, все-таки не стоило дома свидания устраивать, мало ли что, середина дня... Ай, ладно! Придурок уверен, что купил Лану со всеми потрохами, что она на него только что не молится. Уж так уверен, так уверен — где ему о чем-то догадаться! И в голову не придет!

Дэн лениво закинул руку за голову, и от его движения шелковая простыня стремительно поехала куда-то вниз, на пол, открывая смуглую гладкую кожу, длинные мышцы, поджарый живот, и сыто, как опустошивший миску сливок кот, прищурился:

— Ты уверена?

Еще бы! Уж Лана лично потрудилась над тем, чтобы все вышло как нужно. Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сама.

Света ощущала триумф, который хотелось отпраздновать. Именно поэтому она и позвала Дэна прямо сюда, в свое гнездышко. Так хотелось рассказать Дэнчику о том, что дело с браслетом улажено и теперь все в шоколаде, или даже лучше — в бриллиантах... Но язычок все-таки прикусила. Ну как бы прикусила. Она, конечно, ничего бы от Дэна не скрыла. Но пока нельзя. Не потому, что не доверяет — ни в коем случае! Вы с ума, что ли, сошли, кому и верить-то, если не ему? Такая любовь раз в жизни случается, и то не у всех, только в кино показывают. Вон сколько раз он говорил, что хорошо бы свалить куда-нибудь подальше

от всех насущных проблем — куда-нибудь в тихий уголок возле теплого моря. И Лана будет выходить из ласковых волн, озаренных лунным серебром, как богиня — нагая и прекрасная! Ну красиво же, действительно как в кино!

Но лучше пока ничего не говорить, чтоб не сглазить. А главное — Лана сейчас кто? Ну красивая, круче всякой телезвезды, ну любит Дэн ее — так что дух захватывает. Но...

Она нырнула в шелковое озеро постели, прижалась к длинному, гладкому, обжигающе прохладному телу... Богиня, надо же!

Но этого же мало!

Вот если все сложится, она ж прям реальная богиня будет! Ну или волшебница, например. Что-то в этом роде. Все очень просто, надо только немного подождать, потерпеть. В кино перед влюбленными всегда возникают какие-то ужасные препятствия — иначе какая ж это особенная любовь? А потом они вдвоем на палубе роскошной яхты пьют шампанское, и он тихо-тихо шепчет: «Ты — мое чудо, без тебя ничего этого бы не было, ты подарила мне целый мир!» А яхта плывет...

Может быть, она тогда и имя сменит? Или не стоит? Имя она себе придумала очень даже ничего. Лана. Почти как Лорен или Ванда. Да и без почти. А уж по сравнению с той слащаво-пошлой банальностью, которой ее наградила оставшаяся где-то в далеком прошлом мамуля, так и вообще. Тем более она же будет не просто Лана, — она искоса взглянула на смуглый профиль на фоне подушки, — а Лана Май... Да, достаточно. Переезжая в цивилизованные страны, многие же «обрубают» свои фамилии. И Дэн наверняка так сделает. И будет она... Лана Май. Мр-р. Очень красиво.

Олег Рой

Лана повернулась, чтобы разглядеть висящие над резным навершием гардероба часы — не пора ли им собираться — и не закончила движения...

Горло перехватило так, что нельзя было больше сделать ни одного вдоха. Или это сам воздух вдруг стал непригодным для дыхания? Стал холодным, колючим, как ледяная крошка, которая остается после прогрохотавшего по замерзшей луже грузовика. Острые осколки весело искрятся, переливаются, сверкают ярким, режущим, бриллиантовым блеском — но дышать ими нельзя, они царапают горло, впиваются, застревают, их не протолкнуть дальше, туда, где обезумевшие, горящие легкие кричат в ужасе: воздуха! Воздуха! Только бы вдохнуть...

Глава 1

Память сердца

Прошлое живо, пока
Не умер последний из тех,
В чьей памяти живо оно.

Вергилий

Снег не падал — парил в стеклянном законном пространстве. Небо за ним клубилось бледно-оранжевое, розоватое, персиковое.

Как будто не дымный мрачноватый мегаполис внизу, а сказочный замок.

Она чуть прихмурилась, вглядываясь в серебряные снежные искры. Да, правильно. Серебряные. Серебряная звездчатая сетка-паутинка на розовом родоните. Впрочем, нет, родонит грубоват. И не орлец. И чароит не подойдет. Быть может, лунный камень — адуляр? Тоже нет, слишком «холодный», почти голубой. Вот розовый опал, пожалуй, будет хорош или розовый гранат — родолит. И среди сердоликов наверняка нужный оттенок найдется. Серьги? Ожерелье? Брошь? Да, брошь — хорошо. И браслет. И, может быть, диадема. Никакой симметрии, разумеется. Для ВИП-варианта

можно в серебряную паутинку еще мелких-мелких бриллиантиков добавить, буквально бриллиантовой крошки.

Она словно видела перед собой текучие зыбкие линии и цвета будущих драгоценностей. Можно не зарисовывать. Она не забудет.

Кто сказал, что старость — это склероз? И тем более, кто сказал, что семьдесят с хвостиком — это старость? Смешные люди.

Ну да, разумеется, в семьдесят все не так легко, как в двадцать. Все гораздо легче. Вот ведь штука какая.

И — нет, пожалуй, бриллиантовая крошка окажется лишней. Перебор. Чересчур резко, почти вульгарно. А если кто-то из «особо важных» решит, что сердолики в серебре — слишком дешево... ну и леший с ними!

День ото дня она все яснее понимала справедливость дедовского завета: не дороговизной самоцветов определяется истинная ценность произведения ювелирного искусства. Одно из самых красивых яиц Фаберже — «Ландыши», эмаль и жемчуг — без увенчивающей его бриллиантово-рубиновой короны выглядело бы куда изящнее и пронзительнее.

Как вот этот абажур, семейная реликвия. Бронзовый, чеканный, но такой кружевной, такой ажурный, словно плетеный или хотя бы кованный. Но ковкая бронза — это уже что-то из древней истории, сегодня бронзу не куют. Да и сто лет назад тоже... Сердолики в окошечках прихотливого, потемневшего от времени узора взблескивали веселыми разноцветными огоньками — должно быть, сто лет назад, когда лампа под абажуром была керосиновой, они переливались не так ярко. Простенькие ведь камушки, а какая красота! Как елочная гирлянда среди черных октябрьских ветвей. Серебро было бы ажурнее и светлее, но... Будь абажур серебряным, он, пожалуй, не казался бы столь красивым. Да и вряд ли

серебряный абажур дожил бы до сегодня. Три революции, две войны, ну и прочие жизненные повороты. Да что там — абажур, уму непостижимо, как дом-то удалось отстоять.

Ничего, подмигнул огоньками абажур, вы справились. И ты — справилась. И дальше справишься, чего бояться?

Кэт, так же хитро подмигивая, называет ее Королевой Самоцветов. Хотя какая она королева? Вот разве что царица...

Счастливая Царица — так она, всегда любившая не только игру камней, но и игру слов, переводила свое имя. Царица — потому что Васильевна. Василий — обрусевшее греческое «басилевс» — в переводе означает «царь». Ну а Васильевна получается Царица, правильно? И если кто-то там думает, что царица — это непременно что-то такое юное, пусть себе думает. Царица — она и в семьдесят царица. Тем более что... ну какая, ей-богу, разница, какие там цифры в паспорте нарисованы? Внутри-то, в душе, так и бурлят... ну не семнадцать, конечно, а... пожалуй, двадцать семь, двадцать восемь. Приблизительно. Когда уже не тычешься в жизнь полуслепым кутенком, а — понимаешь. Понимаешь все, что видишь. И — радуешься, радуешься этому всему. Каждому дню, каждому часу, каждому мгновению. Это и есть счастье.

Да, она счастливая.

Счастливая — потому что Аркадия. А что? Очень может быть. В конце концов, древнегреческая Аркадия на протяжении десятков веков служила символом некоего пасторального, идиллического покоя и безмятежного счастья. Вряд ли реальная пелопонесская провинция и впрямь была таким уж райским уголком, но символ-то существует! Если уж проживание в Аркадии считалось гарантией счастливой жизни, то и имя должно ведь что-то такое приносить, правда?

Ну да, очень может быть наоборот, и она все это себе придумала, ну и что? Ей нравилось так думать — и о своем имени, и о себе.

Счастливая Царевна.

Аркадия Васильевна.

Аркадия Вторая, если уж совсем точно.

Вторая — это же не обязательно хуже, чем первая. Кто, кроме историков, помнит русскую императрицу Екатерину Первую? Подумаешь, жена Петра Первого! Мелочь, в общем. А вот Екатерина Вторая — это да, это фигура. Просто за здорово живешь прозвание Великая никому не дают. А ведь — вторая.

Она привычно погладила браслет, как всегда, подивившись безукоризненному изяществу его линий и отметив: это он приносит счастье, не только имя.

Браслет и, быть может, еще дом.

Аркадия Васильевна нахмурилась, прислушиваясь: ходит, что ли, кто-то наверху? Татьяна? Впрочем, Татьяну, даже когда ее радикулит терзает, или когда Миша заезжает мать навестить, отсюда не услышишь. Перекрытия тут, говорил прораб ремонтников, ого-го какие, до второго пришествия простоят. Ну и звукоизоляция — тоже.

Показалось. Или, как говорят дети, оно само.

Аркадия Васильевна улыбнулась.

Может, и само. Дом был старый и иногда вздыхал. Не от плохого самочувствия, ни в коем случае, здоровью особняка могли позавидовать многие новостройки, — скорее, просто от воспоминаний. Она тоже вздохнула — глубоко, длинно, сладко. Потянулась, сильно прогнув спину. Усмехнулась, покачала головой, вспоминая вхоханье врача, которого по-свойски — все-таки сын старинной

подруги, практически на глазах вырос — называла Вадиком. Аркадию Васильевну ужасно веселили его ахи и охи:

— Голубушка моя, ведь возраст же! Нужно себя побереечь, не напрягаться, режим соблюдать, резких движений не допускать, гимнастику — только щадящую, а то далеко ли до беды.

Про щадящую гимнастику было особенно смешно. Кто бы говорил! Вадик в свои неполные сорок обладал уже изрядным брюшком и даже на второй этаж, к Татьяне, поднимался с придыханиями. Аркадия же в свои «за семьдесят» на третий, чердачный этаж, не сбив дыхания, взлетает, а на Вадиковы намеки — мол, недурно бы особнячок лифтом оборудовать, вы же, голубушка, вполне обеспечены, чтобы должный уровень комфорта себе создать — только головой качает да фыркает. Нет уж. Навидалась. Едва начнешь себя щадить, комфортом окружать и все такое — а попросту говоря, потакать собственной лени, — тут же в старуху дряблую и превратишься. А то и похуже. Вон как мать Вадика. Рыжая Ритка, которая во времена их общей молодости слыла одной из самых отвязных авантюристок, второй год лежит, разбитая инсультом, даже говорит с трудом. Все потому, что после пятидесяти рукой на себя махнула: подумаешь, дескать, двадцать лишних кило, ну тридцать, ну сорок, возраст же, что ж, и тортиком себя не побаловать? Вот и добаловалась. Аркадия Васильевна навещала бывшую подругу редко — очень уж тяжело чувствовать собственное бессилие, все кажется, что ты в чем-то виновата, может, была бы в увещеваниях понастойчивее, и трагедии такой не случилось бы. И сколько ни убеждай себя, что твоей вины тут нет — но помочь-то уже невозможно, тяжело ужасно.

Да хоть и без трагедий — ведь стыдоба, как на некоторых поглядишь. На большинство, если уж честно.

Старики. Настоящие старики.

Даже те, кто еще хорохорится...

Вон Коленька Горностаев, что давеча третий раз уже звонил, напоминал — мол, юбилей грядет, не забудь старого друга. Друга, как же! Даже смешно.

Ах, какой у них был роман! Весь московский бомонд, затаив дыхание, наблюдал за разворачивающимися вживую «мексиканскими страстями». Нынешние, кстати, мексиканские сериалы и прочие «мыльные оперы» в подметки их тогдашним безумствам не годятся. Толпы поклонниц после каждого спектакля забрасывали байронического красавца роскошными букетами, а он швырял цветы в директорскую ложу, откуда, по его проекции и настояниям, глядела на сцену она, Аркадия. Коленьке ужасно нравилось ее имя: моя Аркадия, твердил он, закатывая глаза и даже как бы слегка задыхаясь, точно на сцене очередное чувствительное объяснение разыгрывал, моя Аркадия, мое счастливое прибежище. Когда директорская ложа бывала занята каким-нибудь особо почетным гостем, Аркадию усаживали в первом ряду, и швыряние цветов к ногам прелестницы становилось еще более эффектным. Прелестница же принимала «вещественные знаки невещественных отношений» как должное, с поистине королевской невозмутимостью. Куда только, бывало, девалась та невозмутимость, когда они швыряли друг в друга посуду ресторана ВТО, а то и «Метрополя», скандаля так, что от яростных криков звенели хрустальные подвески дорогущих люстр, а бесстрастные, как английские лорды, официанты даже менялись в лице! Как страстно они мирились — уже не публично, а... да, как правило, вот прямо здесь, в этом особнячке, не всегда даже успевая добраться до спальни.

Друг, надо же такое сказать, усмехнулась саркастически Аркадия Васильевна.

Но вот старый — что да, то да, хоть и бодрится Коленька, и к массажистам ходит, и может быть даже, страшно подумать, к пластическим хирургам, и молоденьких инженю соблазняет, точно доказывает кому-то, что никакой он не старик, а совсем даже наоборот — брав и бодр. Смешно. Инженю-дебютантки и студенточки из его семинара уж точно не из-за этой мифической бравости пачками в его объятия готовы валиться, только дозвожь. Мэтр! Мэтр-то он мэтр, но — увь. Ладно бы седина, многим она только значительности придает. Вон как шел Коленьке седой парик, надеваемый для роли Адуева в «Обыкновенной истории»! Но ведь что седина! Отяжелел Коленька, обрюзг, от углов рта недовольные складки повисли, как у пожилого спаниеля. И как бы ни старались виртуозы портновского мастерства, из-под их шедевров животик-то выпирает, уже не спрячешь.

Идти к Горностаеву на юбилей или ну его? Чтоб не расстраиваться, на руины былых героев глядя...

Лелик, которым ее Кэт вечно поддразнивает — вон, говорит, глянь, как ни ткнешься в телевизор, все он, не сегодня завтра вице-премьером станет. Пробросалась, подруга, сейчас была бы за ним, как за каменной стеной, как сыр в масле бы каталась. Ну-ну. Вице-премьером Лелик то ли станет, то ли нет, а вот бочонком сала стал уже давным-давно. Головкой сыра в масле, да-да-да. Он и в молодости-то Аркадии не нравился — мелкая тщеславная душонка, насквозь пропитанная амбициями, — хоть дьяволу продать, а только бы залезть повыше. Он, кажется, и за Аркадией-то ухаживал не из-за каких-то там чувств, даже не из-за примитивной похоти (женщину ж не обманешь: не хотел он ее ни капельки,